

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 82+81:159.9

ПИЛОТАЖНОЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИНЕСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

А.И. Бардовская

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров

В статье освещаются результаты предварительной обработки данных, полученных в ходе психолингвистического исследования синестетической метафоры «малиновый звон», проводившейся при сопоставлении собранных материалов с положениями ведущих концепций интермодальности и взаимосвязи синестезии и языка (ассоциационной и нейропсихологической).

Ключевые слова: *синестезия, синестетическая метафора, лингвокультурная специфика, ассоциация, дефиниции, этимология.*

Вводные замечания

Присущая текущему этапу развития гуманитарного знания тенденция «движения к живому» [27] обуславливает активный поиск путей междисциплинарного взаимодействия со стороны специалистов, работающих в разных направлениях, их стремление использовать разнообразные знания в изучении своего объекта, попытки рассмотрения человека в его целостности – единстве соматического и психического, души и тела. В лингвистике это приводит к осознанию того, что её будущее – за интегративным подходом, предполагающим рассмотрение языка как принадлежность пользующегося им человека с его индивидуальным опытом, особенностями мышления, картиной мира.

Абсолютно уникальное место в складывающейся научной парадигме занимает феномен синестезии (далее – Сз). Проведённый нами анализ [1; 4] (см. также: [21]) позволяет сделать вывод, что его изучение в значительной мере способствовало ускорению интеграционных тенденций, ставших столь актуальными сегодня. И сейчас Сз принадлежит той сфере, где пересечение интересов различных дисциплин наиболее ощутимо. Более того, появляются основания говорить о становлении новой междисциплинарной области знания, фокусирующей свое внимание на этом явлении и его разнообразных формах и манифестациях. При этом «заглянуть к соседу» в данном случае стремятся не только лингвисты, для которых поиски обоснований «синестетических построений» в смежных дисциплинах уже давно стали традицией, но и предста-

вители психологии и нейронаук, активно обращающиеся к арсеналу языка для проверки своих моделей функционирования сознания. Все более явным становится понимание того, что постижение загадки столь фундаментального, но не поддающегося непосредственному наблюдению феномена, как Сз, возможно лишь совместными усилиями. Раскрыть её закономерности и осознать роль, которую она играет в психической жизни человека, можно только соотнося и сопоставляя различные сведения, учитывая весь спектр её проявлений.

Не вызывает сомнений, что новые достижения в изучении механизмов межсенсорного взаимодействия, новые концепции их взаимосвязи с языком не могут оставаться без внимания в лингвистике, аппарата которой явно недостаточно для изучения обсуждаемой проблемы. Однако очевидно и то, что, открывая перспективы для расширения поля деятельности лингвистов, они выдвигают новые требования к их творческим усилиям и ставят условием необходимость пересмотра ряда устоявшихся мнений.

На наш взгляд, важным для современного, ориентированного на корпоральную семантику, языковедческого исследования является последовательное акцентирование различий между Сз как психофизиологическим феноменом, функционирующим на разных уровнях осознаваемости, и её разнообразными вербальными фиксациями, являющимися традиционным объектом наблюдений языковеда. Подчеркнем, что такой подход не является принципиально новым для лингвистики. В частности, в работах отечественных исследователей повсеместно присутствует ссылка на гипотезу И.Н. Горелова о психофизиологической мотивированности проявлений Сз на разных уровнях языка [7], выводящую на потребность учета таких различий. Однако, несмотря на доступность формулировки учёного, его указание зачастую выпадает из поля зрения языковедов, что ведёт к терминологической путанице, а впоследствии и подмене понятий по ходу исследования.

В более современной терминологической «упаковке» идею о взаимосвязи, но не идентичности Сз и её вербальных манифестаций озвучивают Т. Икегами и Й. Златев [33]. Адаптируя современные нейропсихологические теории Сз для нужд языковедческого исследования, в частности, исследования синестетической метафоры (далее – СМ), они предлагают понимание последней как явления квазиперцептивного, т.е. напоминающего сенсорное восприятие (ср. с определением СМ как «псевдосинестезии» у Р.Е. Сайтовика [29; 30]), указывая на продуктивность её использования в качестве инструмента для изучения внутреннего мира человека и одного из ключиков к самой Сз, но подчеркивают, что влияние механизмов Сз в языке не ограничивается лишь метафорой, а релевантно для значения в целом (ср. с гипотезой В.С. Рамачандрана и Е.М. Хаббарда о «синестетическом происхождении» языка [34]).

Опираясь на мнение Икегами и Златева, можно сказать, что, отождествляя Сз и СМ, мы «обедняем» как первую, так и вторую, упуская из вида то, что Сз имеет гораздо более широкое «поле действия», чем язык, а СМ, уходя корнями в то, что именуется в современной науке «телесностью», не сводима лишь к ней. Мы считаем, что собранный нами в ходе пилотажного психолингвистического исследования материал даёт повод для размышлений по этому вопросу.

Вопросы организации исследования

В центре нашего внимания – лингвокультурная специфика СМ. Традиционно сопоставительные исследования этого языкового явления ограничиваются анализом данных словарей и текстов (см., например, [19]). Однако опыт межъязыковых и межкультурных сопоставлений демонстрирует недостаточность традиционных методик при выявлении национальной специфики языкового явления [11]. Современный этап развития науки о языке предполагает в данном случае применение более разнообразных исследовательских процедур, в частности, обращения к индивидуальному сознанию носителей изучаемых языков и культур. В соответствии с этим на начальном этапе работы нами был выбран формат пилотажного эксперимента для прогнозирования результативности применения ряда психолингвистических методик в более крупных группах испытуемых.

Теоретической основой предпринятого исследования послужила психолингвистическая концепция А.А. Залевской, согласно которой слово служит средством доступа к единой информационной базе человека и при его функционировании «выполняет роль, сравнимую с ролью лазерного луча при считывании голограммы: оно делает доступным для человека определённый условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира во всём богатстве связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и/или опосредованные выводные знания и переживания разных видов» [9, с. 245]. Значимым для нас явилось также указание этого учёного на то, что при исследовании недоступных непосредственному наблюдению явлений необходимо разграничивать две позиции, одна из которых соответствует *реально протекающим естественным процессам*, а вторая – постулируемой тем или иным научным подходом *концепции*, побуждающей видеть в изучаемом объекте только то, что отвечает исходным постулатам (курсив наш) [10]. Поэтому наиболее продуктивным подходом к СМ видится подход *интегративный*, предполагающий привлечение к анализу возможно большего разнообразия научных теорий, однако, ставящий условием учёт их «разумного глаза». Можно предположить, что обращение к носителям языка на те-

кущем этапе работы способно предоставить возможность для уточнения гипотез дальнейших этапов исследования.

Приступая к планированию эксперимента, мы подходили к нему как к отдельному источнику сведений о СМ, при этом для нас представлялось интересным сопоставить собранный с его помощью материал с данными традиционно используемых лексикографических источников, а также попытаться соотнести наши выводы с выкладками ведущих современных теорий интермодальности и концепций взаимосвязи Сз и языка. Поэтому было принято решение в качестве первой пробы ограничиться небольшим количеством стимульного материала, а именно, СМ русского языка, критерием для которых являлось бы то, чтобы они претендовали на присутствие в разных классификациях СМ и соотносились с наиболее общепризнанными моментами теории интермодальности, а также могли бы быть охарактеризованы как типичные для русского языка.

В ходе поиска в заданном направлении наш интерес привлекло одно синестетическое сочетание русского языка, а именно, *малиновый звон*, которое можно классифицировать как фиксацию классической, в представлении всех теорий интермодальности, формы Сз – цветного слуха, и которое послужило стимулом для предъявления группе русскоязычных испытуемых (далее – Ии.) различных видов деятельности, с высшим образованием, в возрасте от 33 до 63 лет (средний возраст – 48 лет) в количестве 12 человек, в том числе женщин – 8 (далее – Ж), мужчин – 4 (далее – М). Предпринятый опрос проводился в письменной форме и включал четыре задания, которые предъявлялись устно: 1. Знакомо вам сочетание *малиновый звон* или нет? 2. Знаете ли вы, что оно означает? 3. Напишите первое, приходящее на ум, когда вы слышите сочетание *малиновый звон*. 4. Дайте подробное определение значения словосочетания *малиновый звон*.

Поскольку опрос проводился в индивидуальном порядке, мы имели возможность наблюдать реакцию каждого И. в ходе опроса и провести небольшое собеседование по его завершению, что также предоставило интересные сведения для дальнейших выводов. Некоторым результатам исследования посвящена предлагаемая статья.

Анализ полученного материала

Анализ собранного в ходе эксперимента материала проводился в сопоставлении с точкой зрения, сложившейся у нас на предварительном этапе работы, на котором, обратившись к данным различных источников, мы оценили словосочетание *малиновый звон* как: 1) претендента на присутствие в разнообразных классификациях СМ, 2) метафоры, которую можно соотнести с наиболее общепринятыми моментами теории интермодальности, и 3) факта, типичного для русского языка. Поэтому

организовать изложение наших наблюдений по результатам опроса видится целесообразным, вернувшись к работам, повлиявшим на формирование у нас такой точки зрения, и сравнив полученные нами данные с их выкладками.

Сразу же скажем, что первоначально метафора *малиновый звон* привлекла наш интерес при знакомстве со статьей автора одной из ведущих современных концепций Сз Б.М. Галеева [5]. Обратим внимание на то, что, согласно практикуемому Галеевым подходу (см. статьи на сайте [24]), Сз представляет собой специфическое проявление невербального мышления, осуществляемого путем непроизвольного либо целенаправленного сопоставления, сравнения разномодальных впечатлений. Таким образом, этот исследователь подчеркивает мысль о том, что Сз – это *социальный, культурный*, а не биологический феномен, что сильно отличает его позицию от господствующей сегодня трактовки этого явления. По мнению учёного, синестетические закономерности формируются при жизни и являются своеобразной ассоциацией, а, следовательно, они не непроизвольны, но могут быть легко сознательно актуализированы и не воспринимаются как реальные переживания, а являются семантическими конструктами.

Отметим, что, в свете новейших достижений нейронаук, резкие возражения Б.М. Галеева против психофизиологической составляющей Сз представляются спорными (к этому вопросу мы вернемся далее). Однако нельзя отрицать того, что постановка вопроса о Сз как высшей мыслительной способности привносит много интересного в теорию интермодальности; кроме того, не вызывает сомнений, что идеи учёного заслуживают внимания для осмысления вопроса о том, как Сз преломляется в той или иной культуре. Поэтому рассмотрение метафоры, к тому же позаимствованной из работы Галеева, было бы неполным без привлечения к анализу его позиции.

Интермодальные связи, по мысли Галеева, возникают чаще всего на уровне подсознания и дают о себе знать, лишь выходя на свет сознания и фиксируясь в слове: «именно язык, искусство есть тот “полигон”, где формируется и наиболее активно культивируется синестезия» [6], – подчеркивает он. В связи с этим обращение к материалу художественного творчества и языковых метафор как плодотворной сфере наблюдений за Сз традиционно для Галеева и его учеников [24]. В качестве «посредника», обеспечивающего возникновение и функционирование Сз, Галеевым признаются эмоции, аффекты, что согласуется с принятым в отечественной психологической традиции положением об общности эмоционального тона как важном связующем звене взаимопереходов чувств (см., например, [8]). В отношении заинтересовавшей нас метафоры, фиксирующей цвето-звуковую связь, он говорит о схеме-триаде синестетической «рефлексии» «тембр – эмоция – цвет», работающей, по

его мнению, и в других, подобных выбранной нами, метафорах (а звонны, согласно приведенным им данным, могут быть разными – красными и блестящими, круглыми и тонкими, черными и длинными, «на простейшем примере доказывая сложность мира синестетического воображения» [5]).

Опираясь на выдвигаемые Галеевым положения, можно сказать, что, идентифицируя СМ, мы стремимся выявить «эмоционального посредника», обеспечивающего фиксируемую ею межчувственную связь, что отражают, в частности, словарные дефиниции: так, согласно словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [25], *малиновый звон* – это *приятный, красивый, мягкий по тембру* звон (колоколов, шпаги, шпор). Поиск эмоционального связующего звена демонстрируют и определения, данные большинством наших Ии. (эмоциональность в явной форме отсутствует в толкованиях лишь трети опрошенных). При этом во многих случаях рассматриваемая СМ объяснялась ими посредством привлечения новых синестетических ассоциаций, что наиболее ярко отразилось в толковании предложенного стимула в терминах прилагательных – обозначений эмоций и ощущений и восприятий различных модальностей, объединяемых по признаку актуализируемой ими положительной эмоциональной оценки: *легкий, нежный, сладострастный* (Ж, 63 года, учитель); *обалденный, красивый, многоголосый, полифоничный, вводящий в состояние кайфа звук колоколов* (Ж, 49 лет, журналист). Для других *малиновый звон* – это *душевное состояние сладости* (Ж, 52 года, режиссер), *музыка для души* (М, 63 года, предприниматель). Отметим здесь также, что, несмотря на указание на незнание значения сочетания *малиновый звон* двух Ии., они не отказались от его толкования. Итогом размышлений одной из них (Ж, 61 год, музыкант, педагог по фольклору), к примеру, явилось такое «насквозь синестетичное» описание, указывающее на актуализацию у нее целого комплекса разномодальных признаков (звуковых, температурных, вкусовых, тактильных), в котором перечисляются не только эмоции, которые у неё вызвала предложенная фраза, но и воспоминания:

Звон не бывает малиновым... Малина – сладкая ягода. Малиновый звон – теплота души, умиротворенность, покой, гармония, засыпание. Малиновый звон – то, чего не бывает, что недостижимо, что в преддверии грёз, он даже имеет вкус, но не малины, а русской избы, это детство, вкус забытого молока матери, это Бог гладит рукой через волны тёплого воздуха...

Интересным замечанием в обсуждаемой статье Галеева (правда, сделанным вскользь, что указывает на то, что оно не является центральным для его позиции) представляется также то, что, будучи продуктом определенной культуры, основанные на Сз художественно-оценочные описания порою выступают уже как её символ. Говоря о метафоре *ма-*

малиновый звон, описывающей специфические колокольные звоны, это, по всей вероятности, стоит принять в качестве гипотезы, учитывая роль православных традиций как одной из важных составляющих русской культуры [13]. Можно в данном случае привести отрывок из стихотворения Н. Гумилева «Городок» [22], написанное в 1918 году, речь в котором идет о спокойной, размеренной жизни, допустимой, в представлении русского человека, при наличии мудрой, «отеческой» власти, и которое, как мы полагаем, отражает «вплетенность» метафоры *малиновый* звон в жизнь современного поэту общества:

*Крест над церковью вознесён,
Символ власти ясной, Отеческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой.*

Но правомерно ли говорить о том, что со времён Гумилева ничего не изменилось? По всей вероятности, дать аргументированный ответ на этот вопрос можно лишь в результате широкомасштабного исследования. Однако, учитывая изменения в общественной жизни нашей страны за последнее столетие, можно предположить, что то, чем *малиновый* звон является для современных носителей русского языка и культуры, будет существенно отличаться от того, чем он был для наших предков.

Вместе с тем (возможно, это утверждение будет звучать не совсем научно), наблюдая за поведением наших Ии. в ходе проведения эксперимента, мы смогли сделать вывод о какой-то особой магии, притягательности рассматриваемой метафоры для них, что продемонстрировала, в частности, их яркая эмоциональная реакция, заинтересованность при выполнении наших заданий. Иллюстративен в этом смысле и итог опроса: все Ии. указали на то, что выражение *малиновый* звон им знакомо, лишь двое усомнились в том, что они знают его значение, ни один не отказался от предоставления ассоциации и толкования. И такой эмоциональный отклик оказался для нас отчасти ожидаемым: составить представление о большом интересе представителей русской культуры к метафоре *малиновый* звон мы смогли еще до проведения эксперимента, когда, после прочтения статьи Галеева, обнаружили огромное количество статей, заметок, размышлений в личных блогах по поводу того, что такое *малиновый* звон, в русскоязычном Интернете (и не только русскоязычном: см., например, дискуссию на форуме [18]). При этом толковать эту фразу берутся не только профессионалы. Своего рода «маркером» того, что тема эта животрепещущая, является появление посвященной ей статьи на страницах Википедии [15].

Важно отметить, что весьма популярная у пишущих в Интернете версия о появлении фразы *малиновый* звон существенным образом отличается как от версии специалистов-филологов, так и галеевской, «си-

нестетической», версии. Она значит, в частности, как основная в Википедии, и заключается в том, что словосочетание *малиновый звон* происходит от названия бельгийского города Мехелен, который по-французски называется *Malines* (Малин; отсюда – *малиновый*), где в Средневековье разработали удачный сплав для литья колоколов. Интересно, что Мехелен действительно знаменит своими колоколами. «*“Лицом” Малина были карильоны. Первый карильон России, заказанный еще Петром I, был сделан как раз по мехеленскому (малинскому) стандарту*», – гласит справка, предоставляемая сайтом Русского географического общества [17] (дадим здесь дополнительную справку из Википедии [12]:

«Карильон (фр. Carillon) – музыкальный инструмент, посредством часового механизма заставляющий ряд колоколов исполнять какую-либо мелодию, подобно тому, как вращающийся вал приводит в движение орган... В мире существует только одна школа игры на карильоне – в Бельгии».

Как видно, эта версия не имеет никакого отношения к Сз, что вызывает серьезные возражения у Галеева. Критикует её и этимологи, определяя такую трактовку как имеющую отношение к ложной этимологии, в распространении которой, по их мнению, виновны падкие до ярких легенд журналисты (см., например, [14]). Комментируя критику обеих сторон, согласимся, что, по всей вероятности, действительно, здесь следует говорить об удивительном случайном совпадении. Вместе с тем, нельзя ли предположить, что появление подобного «народного толкования» служит дополнительным свидетельством специфичности, особого символизма рассматриваемой метафоры для носителей русского языка? И сам факт возникновения этой правдоподобной, на первый взгляд, истории, распространяемой сегодня посредством современных средств связи, которой «обросла» рассматриваемая СМ, видится не менее чудесным, чем способность устанавливать межчувственные связи, предположительно, обусловившая появление фразы *малиновый звон*.

Возвращаясь к полученным в ходе нашего опроса данным, отметим, однако, что «бельгийская» трактовка *малинового звона* оказалась актуальна лишь для одного И. (М, 37 лет, преподаватель-филолог), у которого за ассоциатом *колокольный звон* последовало определение *звон колоколов церкви г. Мехелен (Бельгия)*, остальные же, как показали реакции и беседа по окончанию эксперимента, были просто-напросто незнакомы ни с самим легендарным городом, ни с принесшими ему славу колоколами. Мы полагаем, что вряд ли стоит сомневаться в способности этого И. к иному, более эмоциональному толкованию предложенной СМ; однако представляющиеся нам «холодными» реакции, оказавшиеся более верными для него в момент проведения эксперимента (что, однако, не исключает личное эмоциональное переживание И. такого знания),

позволяют подвергнуть сомнению универсальную актуальность выявления «эмоционального посредника», значимость которого подчеркивает Галеев. Они дают основания говорить о значительно большем количестве стратегий и опор при идентификации СМ и потребности учёта в данном случае более разнообразного опыта человека.

«Языковая» версия появления фразы *малиновый звон* (как и «синестетическая» галеевская) упоминается в Википедии вскользь. Она принадлежит В.Н. Сергееву [23], который связывает появление выражения *малиновый звон* в русском языке с выражением *красный звон*, обозначающим в старину «звон во все колокола, кроме большого; пасхальный звон», очень радостный, светлый звон в самый большой для православных людей праздник – в Пасху. В данном случае предполагается, что связь между этими двумя выражениями обусловлена тем, что прилагательные *красный* и *малиновый* входят в один синонимический ряд (не понятен в данном случае, однако, генезис *красного звона*, объяснение которого, в опоре только лишь на национальную символику красного цвета, без апелляции к психологической «синестетической» аналогии, не совсем убедительно). Интересно, что «психологическое» толкование выражения *малиновый звон* из повести В. Г. Короленко «Слепой музыкант», к которому обращается Галеев, также строится на его сопоставлении со *звоном красным*.

«...существует также “малиновый” звон, как и малиновый цвет. Оба они очень близки к красному, но только глубже, ровнее и мягче. Когда колокольчик долго был в употреблении, то он, как говорят любители, вызванивается. В его звуке исчезают неровности, режущие ухо, и тогда-то звон этот зовут малиновым» [22].

Кроме того, Сергеев обращает внимание на переносное значение слова *малина* в русском языке: оно употребляется для обозначения не только «многолетнего полукустарника из семейства розоцветных, с ароматными плодами обычно темно-красного цвета»; «ягод этого полукустарника»; «продукта (варенье, сок), приготовленного из этих ягод», но и когда речь идет о чем-то очень приятном, хорошем, доставляющем удовольствие (можно в данном случае привести такие выражения, как *не жизнь – малина*, *разлюли малина* и т.п.). Возможно, полагает этимолог, именно это переносное и оценочное значение слова «малина» («очень хорошо, очень хороший») способствовало тому, что у прилагательного *малиновый* развилось значение «весьма приятный, хороший, красивый». А позднее произошла замена слова *красный* его синонимом – *малиновый*.

Дальнейшее углубление в историю показывает, что оба слова во фразе *малиновый звон* очень древние. Возможно, полагает О.Е. Ольшанский [16], ягода малина получила свое название по цвету плодов (лат.

mulleus – «красноватый»), но не исключено, что в основу названия ягоды был положен признак плода ягоды, состоящий из малых частей. Второе слово (звон) – общеславянское, и возникло оно из *svonъ*, параллели которому имеются в латинском и индийском языках. Замена «с» на «з» - продукт влияния глагола *звать*, тоже древнего происхождения.

Таким образом, *малиновый звон*, согласно точке зрения лингвистов, имеет отношение, в первую очередь, к красивому, стройному звучанию колоколов. Для наших предков со словом «малиновый», столь близким к названию одной из самых любимых в народе ягод, были связаны ассоциации и цветовые, и ароматические, и вкусовые, и даже звуковые. Малиновый цвет – ровный, глубокий, приятный и глазу, и душе. Интересно, что малиновой водой русские крестьяне называли лесной источник, не только утоляющий жажду, но и улаждающий своим журчанием слух, дарящий телу свежесть прохлады, а взгляду – созерцание кристальной чистоты прозрачной воды [20].

Анализируя полученные в ходе проведенного нами опроса реакции, можно сказать, что для большинства Ии. оказалось актуально традиционно закреплённое за рассматриваемой метафорой значение колокольных звонов, что демонстрируют уже первые пришедшие на ум ассоциации после восприятия стимула половины Ии.: *церковь* (ее дали два Ии.), *церковный звон*, *колокол*, *колокольный звон*. Но сказать однозначно, несет ли для них это «религиозное» значение какой-то особый культурно-символический смысл, исходя из полученных ответов, сложно (исключение в данном случае, пожалуй, составляют ответы И. (Ж, 61 год, музыкант, педагог по фольклору), приведённое выше толкование которой, последовавшее за ассоциацией *вибрация воздуха от колокольного звона*, *тёплая*, указывает не только на её личное переживание, увязываемое с рассматриваемой метафорой, но и на то, что в него органически вплетается такая сугубо русская реалья, как *русская изба*).

Интересно, что от И. (Ж, 63 года, инженер), в ходе беседы по завершению эксперимента с которой было выяснено, что она человек религиозный, не только знакомый с церковными традициями, но и соблюдающий их, были получены эмоционально нейтральные реакции: ассоциация *церковный звон* и дефиниция *звонят церковные колокола*, *переливаются звуки* (в данном случае только глагол *переливаются* свидетельствует о том, что *малиновый звон* в представлении И. – это нечто красивое: вряд ли он может прилагаться к описанию звуков неприятных). В то же время у И. (М, 63 года, инженер), заявившего впоследствии, что он, скорее, атеист, за ассоциацией *колокол* последовало толкование *зов души*, демонстрирующее большой эмоциональный отклик.

Следует также принять к сведению возрастную категорию большинства опрошенных. Не вызывает сомнений, что для серьезных выводов наша выборка слишком мала, однако обращает на себя внимание то,

что самая юная И. (Ж, 33 года, воспитатель) продемонстрировала незнание общепринятого значения рассматриваемой метафоры. На вопрос о том, знакомо ли ей сочетание *малиновый звон*, она ответила положительно, однако далее указала, что его значения не знает, и как данные ей ассоциация (*заря*), так и определение (*пробуждение природы*) оказались весьма далекими от понимания, традиционно закрепленного за метафорой *малиновый звон*. (Отметим здесь, что, по всей вероятности, ассоциат этой И. связан с известной песней в исполнении Н. Гнатюка «Малиновый звон», в припеве которой поется «*Малиновый звон на заре*», несомненно, более знакомой современным носителям русского языка, чем, к примеру, цитированные выше строки Гумилева. Дефиниция же в данном случае была дана в опоре на собственную ассоциацию).

С другой стороны, собранный нами материал позволяет сделать вывод, что указание на то, что И. знает значение предложенного стимула, вовсе не обязательно приведёт к тому, что в его ассоциации и дефиниции проявится именно традиционное понимание метафоры. Так, И. (М, 50 лет, режиссер), уверенный в том, что он знает, что такое *малиновый звон*, дал ассоциацию *песня Гнатюка* и определение *пьяная ягода, малина звенит в ушах*, интерпретировать которую можно, либо предполагая претензию И. на оригинальность, либо действительно его сугубо личное восприятие предложенного стимула (мы считаем, что такую дефиницию можно охарактеризовать как «органическую» трактовку предложенного стимула). Здесь же отметим, что компонент «малина», актуальный для этимологов, в большей или меньшей степени оказался актуален и для половины наших Ии. В частности, первыми, пришедшими на ум троим из них (четверть опрошенных), оказались реакции *ягода, ягода (малина), малиновка* (по поводу последней реакции заметим, что в обсуждении к статье «Малиновый звон» в Википедии также указывается версия, что эта фраза произошла от названия птицы – малиновки, поющей на рассвете), что сразу же ставит под сомнение однозначную закрепленность рассматриваемой метафоры в их понятийной системе за сферой религии (дефиниции этих Ии., приведенные выше, оценены нами как ярко отражающие процесс «синестетической рефлексии»). Можно также утверждать, что ни один из Ии. не увязывает *малиновый звон* с *красными звонами* (и вообще цвет упоминается лишь в одной полученной нами дефиниции – *затрагивает цвета души* (Ж, 62 года, звукорежиссер), последовавшей за ассоциацией *малиновка*; но не стоит упускать из виду, что цветовое представление в данном случае может быть актуально и для остальных Ии., давших «ягодные» ассоциации). Однако «вкусовая» версия образования переносного значения цветового прилагательного *малиновый* видится актуальной, по крайней мере, для троих Ии., на что указывают слова *сладость, вкус, сладострастный* в данных ими дефинициях. Интересны и очень индивидуальны реакции, получен-

ные от И. (Ж, 62 года, журналист), выводящие, скорее, на «термическую» трактовку *малинового звона*: ассоциат *лето, жарко* и определенное *поэтический образ, ассоциирующийся с пением птиц, тишиной леса, от которого возникает ощущение очень красивого звона; всё это происходит в пору созревания малины.*

В качестве аргумента в пользу универсальности способности к образованию синестетических ассоциаций Галеев акцентирует типичность синестетических метафор для разных культур (в данном случае в статье, посвященной *малиновому звону*, автор приводит пример «синестетических строк» Э. По из стихотворения «Звон», где появляются «ясные, хрустальные, серебристые звоны» детства, «яркий, жаркий, золотой» звон венчального обряда, наполненный «мерной жутью» набат беды, «горький гул» погребального звона). Это представляется интересным для дальнейшего исследования, в котором можно было бы обратиться к конкретным примерам «синестетических звонов» в разных языках и культурах. Отметим, однако, что в этом моменте проявляется недостаток теории Галеева, усматривающего в распространенности того или иного явления у разных народов роль только лишь социальных факторов. Представляется, что здесь, все же, нельзя обойтись без определения человека как представителя *биологического* вида со свойственными ему даже не столько психологическими, сколько универсальными физиологическими особенностями.

Однако в данном случае все далеко не так просто, как может показаться на первый взгляд. И сложность заключается, в первую очередь, в значительно большей разногласии в противоположном стороннику наиболее древней, ассоциативной теории интермодальности Галееву «лагере», представители которого трактуют Сз не как ассоциацию, а как неврологическое состояние. Детальное обсуждение их позиции выходит за рамки предлагаемой статьи (к данным нейроисследований Сз мы обращались в статьях [2; 3], более основательно познакомимся с точкой зрения нейропсихологов можно по сборнику [35] и книге [28], представляющей собой интересную попытку интерпретации современных нейропсихологических исследований Сз с более «гуманитарным» уклоном). Ограничимся поэтому указанием на то, что собранный нами материал несколько противоречит положениям, выдвигаемым в русле исследований СМ, опирающихся на данные современных естественнонаучных изысканий по проблеме Сз. И здесь особый интерес для нас представляет работа Ш. Дзя [31], вернуться к которой видится необходимым перед формулированием выводов по нашей статье.

Итак, основным источником сведений о Сз сторонников противоположной Галееву нейропсихологической теории этого феномена является мозг синестетов – людей, которые в действительности обладают способностью «слышать цвета» и «вкушать формы». По определению

нейропсихологов, Сз представляет собой «непреднамеренный физический опыт межчувственной ассоциации, когда стимуляция одной сенсорной модальности приводит к восприятию в одной или нескольких других модальностях» [30] (здесь и далее – перевод мой – А. Б.). По разным оценкам, синестетизм встречается с частотой от 1:20 (Ф. Гальтон) до 1:25000 (Р.Е. Сайтовик) [32] (интересно, коль скоро речь в нашей статье идет о звонах, что существует, если так можно выразиться, документированный случай Сз именно в смысле, которым ее наделяют нейрологи, у звонаря-виртуоза и теоретика русского колокольного звона К.К. Сараджева, который, по свидетельству А.И. Цветаевой, обладал цветным слухом, слышал 243 звука в каждой ноте и мог слышать звук, исходящий от домов, фотографий и других вещей [26]). Вместе с тем, полагается, что Сз связана с абсолютно нормальными процессами в мозге любого человека, однако на поверхность сознания выходит у меньшинства [29]. Акцентируя специфику истинной, в их понимании, Сз и синестетической ассоциации, метафоры, нейропсихологи подчеркивают, что существенное отличие этих двух феноменов заключается в том, что первая носит произвольный, естественный характер, а вторая связана с семантическими процессами и подвержена изменениям во времени (на наш взгляд, даже беглый анализ СМ, проведенный нами в данной статье, позволяет согласиться с ними в этом вопросе). С другой стороны, предпринимаются попытки связать эти феномены, что и отражает обсуждаемая работа Дзя.

В этом исследовании, выполненном на обширном материале СМ английского и немецкого языков, сопоставив полученные данные, которыми явились модели синестетического ассоциирования в метафорах, с данными интервью синестетов, Дэй приходит к заключению о том, что:

«... хотя Сз и СМ полностью не совпадают, их важным сходством является фокусирование на слухе. С другой стороны, между ними существуют серьезные отличия: Сз большинства синестетов визуальны, а носители английского и немецкого языков традиционно используют осязательные образы в качестве “соощущений”. СМ, с одной стороны, связаны с неврологией, а, с другой, основываются на логических стандартных выводах об окружающем мире и императивах человеческой биологии в целом» [31];

«... сопоставляя СМ, можно лучше понять Сз: врожденные синестетические ассоциации, которых будет меньшинство, проявятся в языках всего мира; собственно метафоры ... будут обнаружены в больших количествах, и они будут отличаться от культуры к культуре» [там же].

Возвращаясь к нашей метафоре и следуя логике Дзя, представляется возможным оценить её как претендента на ассоциацию, «хорошо согласующуюся» с данными нейротехники Сз (ведь именно случаи цветного слуха наиболее типичны для синестетов). Однако, как показывает наш анализ, вряд ли подлежит сомнению и её глубокая культурная спе-

цифичность, обнаруживающая, к тому же, ярко выраженное индивидуальное преломление. В связи с этим напрашивается предположение о неправомерности столь жесткого, практикуемого в современном «синестезиеведении», противопоставления биологического и культурного, что, несомненно, нуждается в дальнейшей разработке. Можно, конечно, возразить по этому поводу, что *малиновый звон* есть некое исключение, некая особая СМ. Однако, опять же, используя популярный у нейропсихологов афоризм о том, что природа проявляет себя в исключениях, можно предположить, что даже если это и так, то именно такая «исключительная» метафора отражает реальное положение вещей.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что мы рассматриваем сделанное как начальный этап работы. Не подлежит сомнению, что проведённый анализ дал не столько ответов, сколько поставил новых вопросов и открыл перспективы для дальнейших действий. Вместе с тем, мы считаем, что основная цель пилотажного исследования достигнута: оно продемонстрировало ценность и даже необходимость обращения к индивидуальному сознанию носителей языка при изучении такого явления, как СМ, а также потребность соотнесения языковых и других сенсомоторных данных в целях выявления её специфики.

Список литературы

1. Бардовская А.И. Определение синестезии в современных гуманитарных науках [Текст] / А.И. Бардовская // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т ; отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь, 2007. – Вып. 7. – С. 4–8.
2. Бардовская А.И. Современные тенденции изучения синестетической метафоры [Текст] / А.И. Бардовская // Вестник Тверского государственного университета. – Сер. Филология. – 2010. – № 15. – Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация» – С. 168–181.
3. Бардовская А.И. Что исследования синестетов говорят о том, как работает наше сознание? [Текст] / А.И. Бардовская // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т ; под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь, 2010. – Вып. 10. – С. 4–14.
4. Бардовская А.И. Проблема синестезии и интеграционные тенденции в языковедческих исследованиях [Текст] / А.И. Бардовская // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 1(1). – С. 131–137.
5. Галеев Б.М. «Малиновый звон»: опыт этимологического детектива [Электронный ресурс] / Б.М. Галеев. – Режим доступа: <http://www.prometheus.kai.ru>. – Загл. с экрана.
6. Галеев Б.М. Что такое синестезия: мифы и реальность [Электронный ресурс] / Б.М. Галеев. – Режим доступа: <http://prometheus.kai.ru>.

7. Горелов И.Н. Синестезия и мотивированные знаки подязыков искусствоведения [Текст] / И.Н. Горелов // Проблемы мотивированности языкового знака : сб. науч. тр. / ред. А.П. Журавлев. – Калининград, 1976. – С.74–81.
8. Дерябин В.С. Чувства, влечения, эмоции [Текст] / В.С. Дерябин. – Л.: Наука, 1974. – 258 с.
9. Залевская А.А. Введение в психолингвистику [Текст] : учебник / А.А. Залевская. – М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1999. – 382 с.
10. Залевская А.А. Различные подходы к трактовке языка [Текст] / А.А. Залевская. // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2003. – С. 48–55.
11. Залевская А.А. Вопросы теории и практики межкультурных исследований [Текст] / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – С. 194–203.
12. Карильон [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Википедия, свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BE%D0%BD>. – Дата обращения: 18.04.2011. – Загл. с экрана.
13. Крысько В.Г. Этническая психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В.Г. Крысько. – М. : Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
14. Малиновый звон [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Народное радио, из программы о русском языке «Слово» от 20.12.2008. – Режим доступа: <http://narodinfo.ru/articles/61685.html>. – Дата обращения: 10.03.2011. – Загл. с экрана.
15. Малиновый звон [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Википедия, свободная энциклопедия. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%BD. – Дата обращения: 18.04.2011. – Загл. с экрана.
16. Малиновый звон [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – В мире слов : сайт О.Е. Ольшанского, 2001-2011. – Режим доступа: <http://slovo.dn.ua/malinoviy-zvon.html>. – Дата обращения: 20.04.2011.
17. Малиновый звон [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Официальный сайт всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». – Режим доступа: <http://www.rgo.ru/?s=%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9+%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%BD>. – Дата обращения: 22.04.2011. – Загл. с экрана.
18. «Малиновый» en castellano [Электронный ресурс] : форум пользователей Diccionario.ru. – Электрон. дан. – Испанско-русский и русско-

- испанский словарь online (www.diccionario.ru). – Режим доступа: http://www.diccionario.ru/cgi-bin/dic.cgi?l=ru&page=show_forum_messages&forum=1&cid=97977890601050026586. – Дата обращения: 22.04.2011. – Загл. с экрана.
19. Мерзлякова А.Х. Вторичные функции перцептивных прилагательных (на материале английского, русского и французского языков) [Текст] / А.Х. Мерзлякова. – Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. – 198 с.
 20. Пономарева В. Как колокольный звон стал малиновым? [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – ШколаЖизни.ру, познавательный журнал. – Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-17810/>. Дата обращения: 18.04.2011. – Загл. с экрана.
 21. Прокофьева Л.П. Синестезия в современной научной парадигме [Текст] / Л.П. Прокофьева // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. – Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 1. – С. 3–10.
 22. Русская литература: от Нестора до Маяковского [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М.: ДиректМедиа, 2003. – CD-ROM. – Систем. требования: IBM PC 486 и выше, 16 mB RAM, CD-ROM, SVGA, MS Windows. – Загл. с контейнера.
 23. Сергеев В.Н. Малиновый звон [Текст] / В.Н. Сергеев // Русская речь. – 1978. – № 4. – С.142-147.
 24. Синестезия. СНИИ «Прометей», Казань [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Institute «Prometheus», Copyright 2006. – Режим доступа: <http://synesthesia.prometheus.kai.ru/>. – Дата обращения: 18.04.2011. – Загл. с экрана.
 25. Словопедия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [slovoedia.com](http://www.slovoedia.com), 2007. – Режим доступа: <http://www.slovoedia.com/>. – Дата обращения: 18.04.2011. – Загл. с экрана.
 26. Цветаева А.И. Сказ о звонаре московском [Электронный ресурс] : [электрон. книга] / А.И. Цветаева. – Электрон. дан. – Электронная библиотека bookZ.Ru. – Режим доступа: <http://bookz.ru/authors/cvetaeva-anastasia/zwonar.html>. – Дата обращения: 18.04.2011. – Загл. с экрана.
 27. Швец Н.О. Роль языка в структурировании знания [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.О. Швец ; Твер. гос. ун-т, Каф. англ. языка. – Тверь : [б.и.], 2005. – 19 с. – На правах рукоп.
 28. Campen, C. van The Hidden Sense: Synesthesia in Art and Science (Leonardo Books) [Текст] / C. van Campen. – The MIT Press. Cambridge, Mas.; London, England, 2010. – 185 p.
 29. Cytowic, R.E. The Man Who Tasted Shapes [Текст] / R.E. Cytowic. – MIT Press edition with new afterword, 2003. – 276 p.

30. Cytowic, R.E. Synesthesia: Phenomenology and Neuropsychology [Электронный ресурс] / R.E. Cytowic. – Режим доступа: <http://psyche.cs.monash.edu.au>. – Загл. с экрана.
31. Day, S. Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors [Электронный ресурс] / S. Day. – Режим доступа: <http://psyche.cs.monash.edu.au/v2/psyche-2-32-day.html>. – Загл. с экрана.
32. Hubbard, E.M., Ramachandran, V.S. Neurocognitive Mechanisms of Synaesthesia [Электронный ресурс] / E.M. Hubbard, V.S. Ramachandran – Режим доступа: http://psy2.ucsd.edu/~edhubbard/papers/Hubbard_NeuronReview05.pdf. – Загл. с экрана.
33. Ikegami, T., Zlatev, J. From Pre-Representational Cognition to Language [Электронный ресурс] / T. Ikegami, J. Zlatev. – Режим доступа: <http://www.sedsu.org/Pdf/ArticlesForPage/Ikegami-Zlatev.pdf>. – Загл. с экрана.
34. Ramachandran, V.S., Hubbard, E.M. Synaesthesia – A Window into Perception, Thought and Language [Электронный ресурс] / V.S. Ramachandran, E.M. Hubbard. – Режим доступа: <http://psy2.ucsd.edu/~edhubbard/papers>. – Загл. с экрана.
35. Synaesthesia: Classic and Contemporary Readings [Текст] / Ed. by S. Baron-Cohen & J.E. Harrison. – Cambridge, Mas. : Blackwell, 1997. – 281 p.

PILOT PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH OF A SYNAESTHETIC METAPHOR

A.I. Bardovskaya

Vyatka State University of Humanities, Kirov

The paper examines preliminary results of the psycholinguistic research of Russian synaesthetic metaphor «малиновый звон». The analysis involves comparison with the arguments of associational and neuropsychological approaches to synaesthesia and its connection with language.

Keywords: *synaesthesia, synaesthetic metaphor, linguocultural specificity, association, definitions, etymology.*

Об авторе:

БАРДОВСКАЯ Анастасия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Вятского государственного гуманитарного университета, e-mail: nasty978@inbox.ru